

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕГИОНОВ (ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ)

В. И. Бархатов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Концепция «центр — периферия», разработанная для мировой экономики, сегодня является рабочей схемой и для анализа межрегиональной специализации и дифференциации в России. В статье представлены результаты исследования основных трендов развития социально-экономических систем регионов России в контексте концепции «центр — периферия», выполненного на материалах регионов Приволжского федерального округа. Выделены три группы регионов: «Центр», «Периферия ближняя» и «Периферия дальняя». Особенностью анализа является использование как абсолютных, так и приростных показателей. Основное внимание сосредоточено на таких показателях, как валовой региональный продукт, инвестиции в основной капитал, величина прожиточного минимума и доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. Доказано, что межрегиональная дифференциация со временем усиливается, приводя к утрате регионами периферии своего потенциала и их неспособности к саморазвитию.

Ключевые слова: *региональная экономика, центр — периферия, социально-экономическая система, Приволжский федеральный округ.*

В современных условиях развитие социально-экономических систем (как национальной экономики, так и отдельных регионов) происходит в условиях обострения противоречий. Они накапливались в последние десятилетия и носят многоуровневый характер. Особо следует отметить противоречия между национальными экономиками, когда группа развитых стран пытается сдерживать рост экономического и производственного потенциала России, Китая, других стран, вводя произвольно и постоянно различные санкции. Влияние этих санкций не ограничивается национальным уровнем, а спускается и на уровень отдельных регионов, сдерживая и их социально-экономическое развитие. Нарастает противоречие эволюционного развития потенциала регионов и его ограничения внешними силами. Разрешение этого противоречия нам видится в развитии собственной производственной базы, которая позволила бы заместить ранее импортируемые товары, внезапно подорожавшие или ставшие недоступными к приобретению. Импортзамещение может стать (и в ряде случаев становится) для регионов импульсом для развития производственного и экономического потенциалов. Степень позитивного воздействия разрешения этого противоречия на региональную экономику различна и неоднозначна. Она определяется тем, насколько экономика региона связана с экспортными операциями, насколько сильно региональные корпорации заимствовали иностранный капитал и ориентировались на привлечение новых технологий в региональную

экономику. Ввиду того что национальная экономика есть результат взаимосвязи и взаимодействия региональных социально-экономических систем, и на национальном уровне влияние будет сильным.

Ограничение экспортного потенциала регионов уменьшает возможности роста и развития этих социально-экономических систем. В этом же направлении воздействуют на развитие и рост региона условия «новой нормальности» [1], которые сопровождают переход от одного технологического уклада к укладу более высокого порядка. В этих условиях возникает и развивается ряд противоречий, связанных со сменой технологического уклада. Если национальная экономика в целом неспособна разрешить противоречия данного рода и не создает предпосылок ее разрешения на региональном уровне, то вся социально-экономическая система и ее части могут откатываться на своеобразные периферийные зоны. Они могут терять конкурентоспособность и преимущества по отношению к развитым странам, которые могут оказывать и санкционное давление в области технологического развития.

В статье представлены результаты исследования основных трендов развития социально-экономических систем регионов России в контексте концепции «центр — периферия», выполненного на материалах регионов Приволжского федерального округа.

Статья является отражением развития авторской позиции по вопросу изучения межрегиональной дифференциации, ранее представленной в работах [1]—[3].

В национальной и региональных экономиках для разрешения этих противоречий необходимо формировать научный капитал, способный создавать и развивать новые технологии в границах трендов развития научно-технологического прогресса. Темпы роста экономик регионов зависят не только от противоречий между странами, но и от развития противоречий между центром и периферией на региональном уровне. Противоречия в названных границах имеют разную степень развития. Вполне очевидно, что национальная экономика представляет собой единство национального центра, регионов-центров и периферийных регионов. При этом их единство подвержено влиянию как внутренних, так и внешних факторов.

Не преуменьшая роли федерального центра, необходимо отметить, что развитие национальной экономики зависит от успехов именно региональных центров и периферий, тех отношений и факторов развития, которые формируются на этом уровне. И здесь же, в пределах единства центра и периферии, развиваются и противоречия по поводу движения и перераспределения ресурсов. При этом сложившееся распределение ресурсов может по-разному влиять на развитие региональных центров и периферий, позволяя формировать технологическое, научное, человеческое ядро, способное развивать и преобразовывать региональную социально-экономическую систему.

Выделенные выше противоречия влияют на направление движения ресурсов для развития производственного и экономического комплексов. Совокупность ресурсов центра может способствовать развитию производительных сил в регионах-центрах и периферийных регионах. Происходит ли при этом формирование новых центров в регионах, устраняются ли диспропорции в развитии регионов? Вследствие того что все регионы различаются по уровню технологического развития и стадии перехода к новому технологическому укладу, развиваются противоречия в системе национального центра, региональных центров и периферий. Разрешение противоречий связано с расширением пространственного размещения производств, связанных с новым технологическим укладом. Концентрация всех ресурсов на ограниченном пространстве центра обрекает все остальные регионы на стагнацию. Без перехода к новому технологическому укладу периферия не имеет достаточных ресурсов (прежде всего инвестиционных и инновационных), позволяющих преобразовать территорию, изменить

ее социально-экономический облик, перевести ее статус из периферии в центр.

В последнее время названное противоречие обостряется сильнее, что связано с оттоком населения от периферии в центр. Производственный и экономический потенциал периферийных регионов обедняется. Наиболее активная часть населения, обладая интеллектуальным потенциалом, востребованным в центре, мигрирует туда [4]. И, поскольку сегодня главным фактором развития является именно человеческий капитал [5; 6], его вымывание с территории есть потенциально критическая утрата с далеко идущими последствиями. В любом случае концентрация любых видов ресурсов на ограниченном пространстве центров имеет негативные последствия для всей социально-экономической системы страны, хоть и не отражается явно в валовых показателях. При этом со временем противоречие не разрешается, а, напротив, усугубляется, происходит снижение производственного и экономического потенциала. Все большее количество регионов теряют свой сложившийся десятилетиями потенциал, и периферийных регионов становится все больше. На производственный и экономический потенциал влияют противоречия, которые развиваются внутри названной системы: национальный центр — региональный центр — периферия. От степени их обострения во многом зависит эффективность развития [См.: 2].

К противоречиям этого типа следует отнести прежде всего противоречия собственников капитала по линии «центр региона — периферия», в которых субъектами выступают собственники капитала центра и собственники капитала периферийных зон. Во-вторых, возникает «классическое» противоречие между собственниками капитала и наемными работниками. Совокупность собственников капитала, которых мы обозначаем как региональные и периферийные элиты, определяет, насколько успешно идет развитие территории. Вкладывая капитал в те или иные сферы деятельности, они влияют на формирование того или иного технологического уклада на территории. Проблемой для региональных центров и периферий становится то, насколько экономические интересы элит на территориях совпадают с запросами развития этих территорий. Если элиты слабо мотивированы на рост региона, не видя в этом особых для себя перспектив, то проблемы не разрешаются, а, напротив, нарастают.

В регионах сложилась тенденция использования не собственного, но в первую очередь заемного капитала для развития производства. Ставка на заем-

ный капитал снижает мотивацию и вовлеченность у местных экономических элит. Главным субъектом развития становятся деперсонализированные финансовые структуры, находящиеся, как правило, в центре. И по этой причине вместо притока капитала на территорию имеет место его отток в виде выплаты кредитов. Финансовая политика должна смещаться в сторону использования финансового капитала как источника наращивания производственного и экономического потенциала.

Нельзя оставить в стороне противоречия, связанные с использованием природно-климатических ресурсов [7]. Возникают проблемы, связанные с формированием и распределением ренты от использования природных ресурсов, в том числе абсолютной и дифференциальной ренты, связанной с качеством земли в регионах. Эффективное управление названными ресурсами может увеличивать или уменьшать потенциал регионов.

Вследствие того что экономический и производственный потенциал развивается в условиях формирования институциональных отношений, возникают противоречия, связанные с влиянием норм и правил центра и периферий. Возникающие проблемы, связанные с постоянно появляющимися возмущающими факторами в экономике регионов, требуют реакции в виде новых законов и иных юридических норм. Это ведет к изменению повседневных функций субъектов управления регионами. Разрешение этих противоречий связано с постоянной модернизацией институциональной системы, то есть норм и средств обеспечения соблюдения функционирующих норм.

При разрешении противоречий, возникающих как в социально-экономической системе в целом, так и в отдельных частях (центральных и периферийных регионах), необходимо развивать способность сохранять эффективное взаимодействие и взаимосвязь внутри системы и с внешней средой. Разрешение противоречий возможно благодаря объединению ресурсов центра и периферий, а также их обмену. Центральные регионы получают синергетический эффект от такого объединения, и они должны делиться этим эффектом с периферийными регионами. В условиях возникновения, развития, обострения противоречий цель центров региона и периферий — не рост потенциала регионов, а стремление эффективного использования накопившихся ресурсов.

Приведенные противоречия, возникающие в социально-экономической системе региональных центров и периферий, сопровождаются асимметрией

развития регионов. Асимметрия сводится к диспропорциям в развитии разных регионов, неравномерности развития, дивергенции, дифференциации, дезинтеграции экономической системы регионов [См.: 8—10]. Асимметрия выступает как всеобщая закономерность неравномерного характера движения. Она находит свое отражение во взаимодействии регионов-центров и периферийных регионов. Развивающиеся негативные процессы в экономике регионов, возникновение, развитие и разрешение противоречий, асимметрия региональных экономик находят отражение в движении ряда показателей социально-экономического развития. В движении этих показателей просматриваются тенденции использования производственного и экономического потенциала, провалы и периоды кризисных явлений, стагнации, роста показателей, отражающих совокупность экономических отношений, взаимодействие системы в целом и ее частей [См.: 11—12]. Динамика трендов отражает отклонение показателей региона-центра и периферий. Также важным фактором социально-экономического развития регионов является эффективная структура региональных экономик [См.: 13—15], что может отразиться на росте их производственного и экономического потенциала.

В качестве показателей, отражающих противоречия, влияющие на тренд социально-экономического развития, могут рассматриваться: валовой региональный продукт, прирост валового регионального продукта, инвестиции в основной капитал, прирост инвестиций в основной капитал, прирост индекса промышленного производства, объем инновационных товаров, работ и услуг, валовой региональный продукт на душу населения, объем инновационной активности организаций к общему объему организаций, степень износа основных фондов, удельный вес убыточных организаций, затраты на инновационную деятельность организаций, величина прожиточного минимума, среднедушевые денежные доходы населения, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, прирост численности населения субъектов центра и периферии за период 1999—2019 гг.

Анализ трендов развития социально-экономических систем проведен на примере центров и периферий Приволжского федерального округа за период 1999—2019 гг. Используются данные Росстата о валовом внутреннем продукте, инвестициях в основной капитал, прожиточном минимуме и доле населения с доходами ниже прожиточного минимума. Для всех показателей рассчитаны цепные темпы прироста.

Синтетическим показателем развития социально-экономических систем регионов является валовой региональный продукт. В Приволжском федеральном округе были выделены пять центров: Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Пермский край, Нижегородская область, Самарская область. В период 1999—2019 гг. во всех названных регионах наблюдался рост валового регионального продукта. Лидером роста со значительным отрывом была Республика Татарстан. В период 1999—2019 гг. кривые роста отражают как точки максимального роста, так и точки падения валового регионального продукта в периоде. Динамика валового регионального продукта субъектов Приволжского федерального округа отражена на рис. 1.

Кривые повторяют циклическую кривую развития социально-экономических систем. С 1999 по 2008 г. наблюдался равномерный подъем, 2009 г. — провал как следствие кризиса 2008 г., с 2010 по 2019 г. кривые движения имеют различный уровень наклона, что свидетельствует о колебаниях валового регионального продукта. Это отражает трансформацию социально-экономических систем Приволжского федерального округа. При оценке движения трендов валового регионального продукта необходимо рассмотреть отклонения показателя от центра (лидера) — Республики Татарстан, где рост валового регионального продукта носил более равномерный

характер, в то время как прирост валового регионального продукта в период с 2000 по 2019 г. представляет циклические кривые, где подъемы чередуются со спадами.

Взяв за базу прирост валового регионального продукта региона-центра (Республика Татарстан), проанализируем отклонения в ряде точек кривой. Так, в 2000 г. отклонения валового регионального продукта в Республике Башкортостан было $-23,2\%$, соответственно Пермский край $-39,6\%$, Нижегородская область $26,2\%$, Самарская область $-38,8\%$. В год финансового кризиса 2009 г. при базе (центр Республика Татарстан) прирост валового регионального продукта составил $-4,4\%$, и соответственно: в Республике Башкортостан $-12,8\%$, Пермском крае $-11,1\%$, Нижегородской области $-7,1\%$, Самарской области $-16,5\%$. Наиболее крупное падение прироста валового регионального продукта произошло в Республике Башкортостан, Пермском крае, Самарской области, что может свидетельствовать о накоплении противоречий во всей их структуре. Произошло накопление асимметрий. Пик прироста валового регионального продукта в центре Приволжского федерального округа приходится на 2011 г. Лидер прироста — Пермский край. Прирост составил $34,8\%$; соответственно в Республике Татарстан $20,4\%$, Республике Башкортостан $23,9\%$, в Нижегородской области $18,1\%$, Самарской области $19,9\%$. С 2012 г. проис-

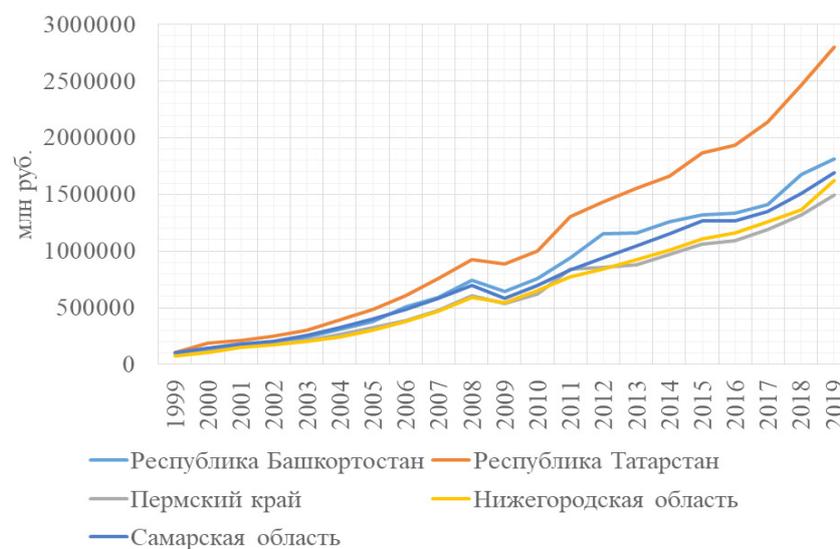

Рис. 1. Валовой региональный продукт субъектов ПФО по группе «Центр» в 1999—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

ходит снижение во всех центрах, но особо прирост уменьшился в Республике Башкортостан, не превысив 1,2%, в Пермском крае 2,3%, тогда как прирост соответственно был в Республике Татарстан 8%, Нижегородской области 9,9%, Самарской области 11,9%.

С 2015 г. наблюдался прирост. В 2016 г. провал прироста валового регионального продукта колебался по центрам в пределах от 0,4 до 5,1% в Нижегородской области. С 2017 по 2019 г. происходит рост прироста. В 2019 г. колебания прироста происходило в пределах от 8,1% в Республике Башкортостан до 18,6% в Нижегородской области. Прирост валового регионального продукта во всех центрах с 2009 по 2019 г. был существенно ниже периода 2000—2009 гг.

Происходящие трансформации сопровождались падением производства, проблемами на финансовом рынке, снижением эффективности использования всех видов ресурсов. Противоречия, порождаемые в этот период, невозможность при наличии определенных ресурсов разрешить их

снижали прирост валового регионального продукта центров. Для тренда характерен колебательный процесс в пределах максимума и минимума.

Специфика социально-экономической системы определяет ее колебания в соответствии с находящимися в ее распоряжении производственным и экономическим потенциалом (рис. 2).

Валовой региональный продукт регионов ближней периферии Приволжского округа в период с 1999 по 2019 г. имел положительный тренд роста. Ближняя периферия — Удмуртская Республика, Оренбургская область, Саратовская область (рис. 3).

Лидером по приросту является Оренбургская область. Тренд на определенных участках кривой имеет разный наклон кривой роста. С 1999 по 2008 г. наблюдается равномерный рост. В период с 2009 по 2010 г. — падение, с 2010 по 2019 г. — рост; и падение роста валового регионального продукта в 2018 г.

Прирост валового регионального продукта ближней периферии в период 2000—2019 г. представляет

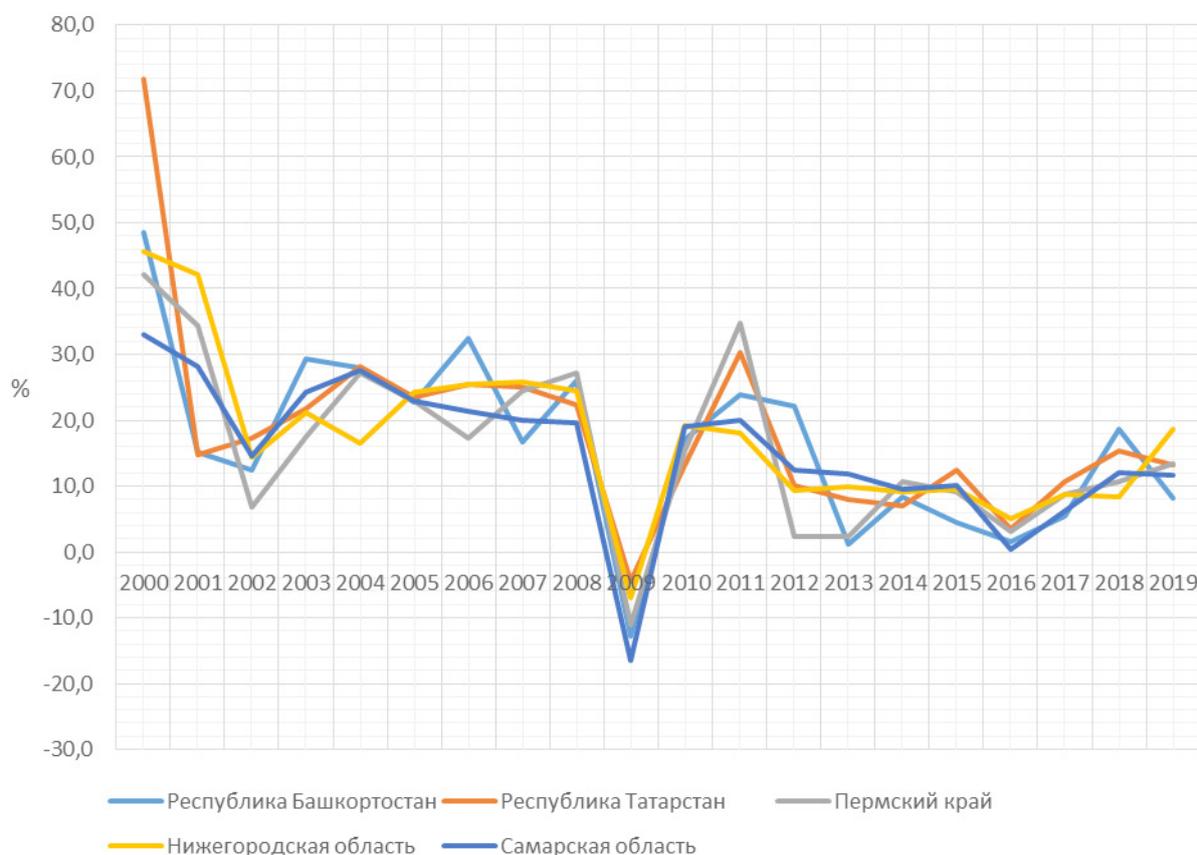

Рис. 2. Прирост ВРП субъектов ПФО по группе «Центр» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

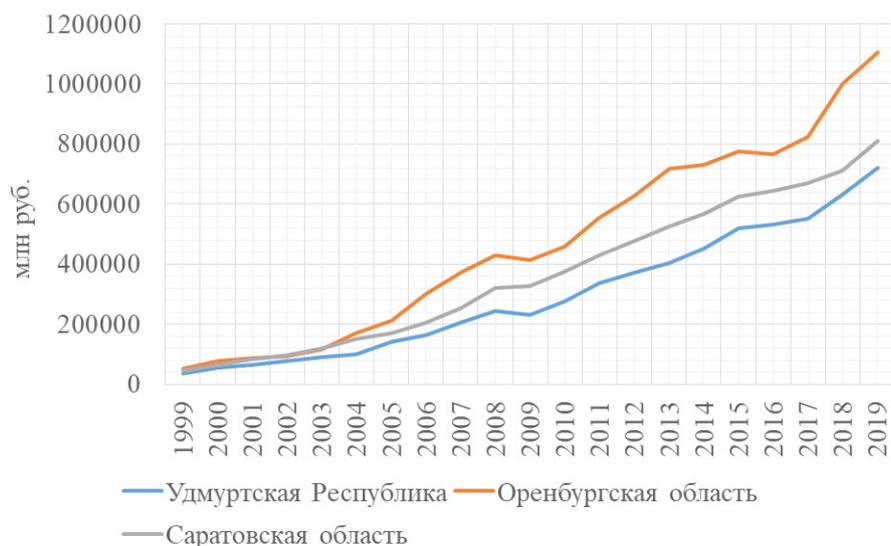

Рис. 3. Валовой региональный продукт по субъектам ПФО по группе «Периферия ближняя» в 1999—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

циклическую кривую, рост сопровождается падением (рис. 4). Прирост в 2001 г. колебался в пределах: Удмуртская Республика — 54,1%, соответственно Оренбургская область — 48%, Саратовская — 44%. В период кризиса 2010 г. наблюдался отрицательный прирост: Удмуртская Республика –5%, Оренбургская область –3,9%, Саратовская область –1,4%. В 2020 г. прирост составил: Удмуртская Республика — 19,3%, Оренбургская область —

10,6%, Саратовская — 13,9%. Колебания по субъектам невелики в отличие от субъектов-центров.

Движение и тренды валового регионального продукта по группе «Периферия дальняя» с 1999 по 2019 г. изображены на рис. 5. В группе «Периферия дальняя» выделим следующие субъекты: Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская область, Пензенская область, Ульяновская область.

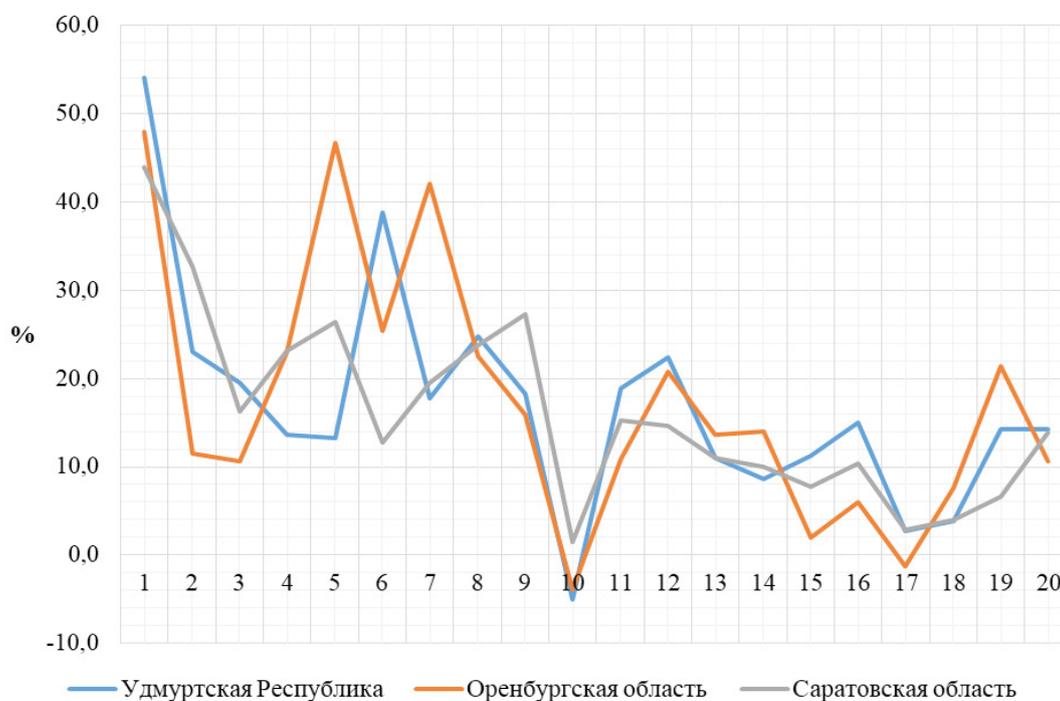

Рис. 4. Прирост валового регионального продукта субъектов ПФО по группе «Периферия ближняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

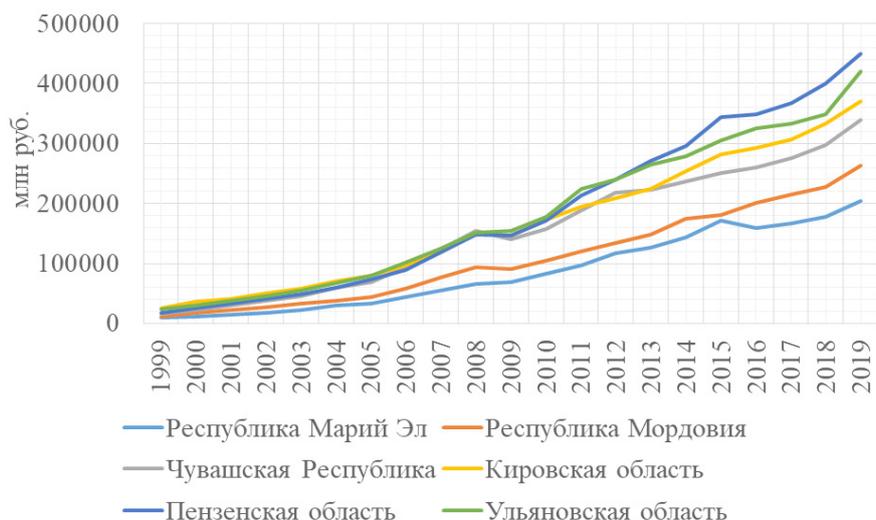

Рис. 5. ВРП субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 1999—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

В период с 1999 по 2019 г. наблюдался рост валового регионального продукта во всех входящих в группу регионах. Он существенно не отличается от движения трендов субъектов группы «Центр» и «Ближняя периферия». С 1999 по 2008 г. кривые имеют примерно одинаковый наклон и не наблюдается высокого роста и изменений. Однако рост валового регионального продукта прирастает неравномерно. Лидер роста валового регионального продукта по группе «Периферия дальняя» — Республика Марий Эл. В 2009, 2015, 2018 гг. в рамках тренда происходит снижение валового регио-

нального продукта, что соответствует движению циклической кривой развития региональных экономик. В этот период падение роста носит не абсолютный, а относительный характер в периоде.

Определенный интерес движения трендов представляют тренды прироста валового регионального продукта в группе «Периферия дальняя» субъектов Приволжского федерального округа в период с 2000 по 2019 г. Тренды всех субъектов группы носят циклический характер с чередующимися пиками как роста, так и падения (рис. 6). Пики прироста валового регионального продукта в субъектах группы

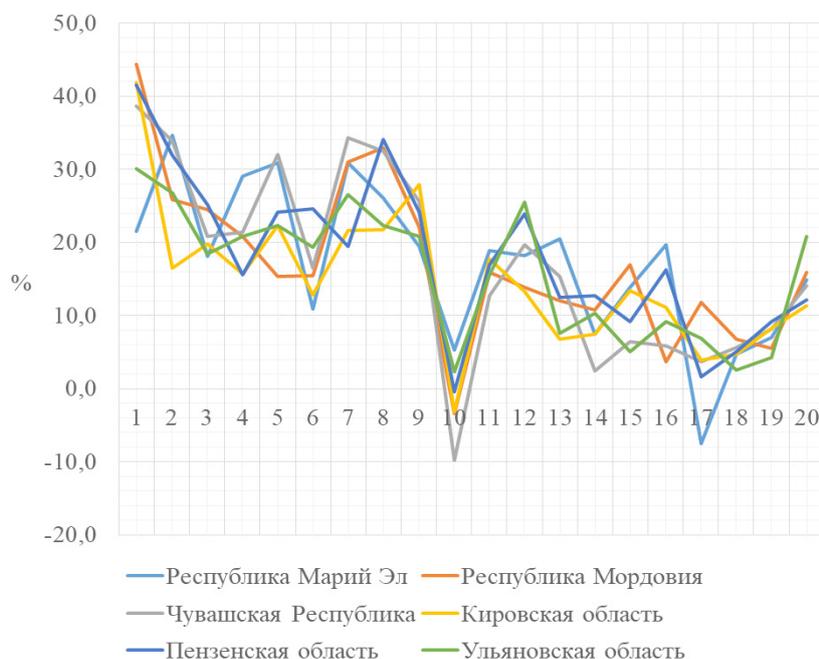

Рис. 6. Прирост ВРП субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

приходятся на 2002, 2005, 2008, 2012, 2016, 2020 гг. Падение прироста сохранялось в 2006, 2010, 2017 гг. Особый провал прироста валового регионального продукта произошел в 2010 г. В Республике Марий Эл прирост составил 5,3 %, Республике Мордовия –3,4 %, Чувашской Республике –9,8 %, Кировской области –3,2 %, Пензенской области –0,5 %, Удмуртской Республике 2,4 %. Наибольшее падение было в Чувашской Республике.

Прирост по всем группам увеличился в 2019 г. В центре и перифериях обоих типов наблюдаются одинаковые тренды движения валового регионального продукта.

Проблема в пределах роста и падения в различные периоды цикличности обусловлена совокупностью взаимодействующих факторов в регионе и естественного различия, а также назревшими на этом фоне противоречиями. От скорости их разрешения зависит как рост валового регионального продукта, так и его прирост в периоде.

В разрешении противоречий в техническом базисе, трансформации технологических укладов экономики регионов особую роль играют инвестиции в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа в период с 2000 по 2019 г. (рис. 7).

По группе «Центр» Приволжского федерального округа наращивание инвестиций особо быстрыми темпами происходило в Республике Татарстан. Существует значительный разрыв в объемах инвес-

тиционных вложений в ее экономику. Для этих вложений характерен равномерный тренд, без особых пиков и падений, что нельзя не учитывать при инвестиционных вложениях в основной капитал регионов. Тренды носят циклический характер: пики и впадины повторяют движение циклической кривой развития экономики регионов в 2000—2019 гг. Тренды корректируются с ростом и приростом валового регионального продукта по субъектам центра.

Инвестиции в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа по группе «Периферия ближняя» представлены на рис. 8. Лидер по росту инвестиций в основной капитал — Оренбургская область, отстает в этой группе субъектов Удмуртская Республика. Тренды представлены циклическими кривыми и повторяют циклическую кривую развития экономик регионов.

Тренды инвестиций в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа по группе «Периферия дальняя» изображены на рис. 9. Прирост объемов инвестиций в основной капитал наблюдается в период 2000—2013 гг., а начиная с 2014 г. и по 2019 г. происходит их сокращение или замедление по группе «Периферия дальняя». Особенно это заметно по инвестициям в основной капитал Ульяновской области (рис. 9). Сформированные тренды динамики инвестиций в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа по группе «Периферия дальняя»

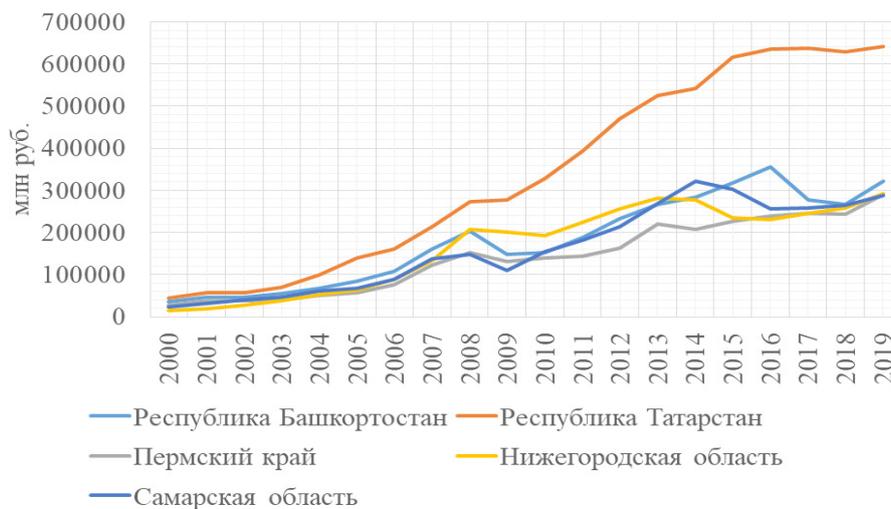

Рис. 7. Инвестиции в основной капитал субъектов ПФО по группе «Центр» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

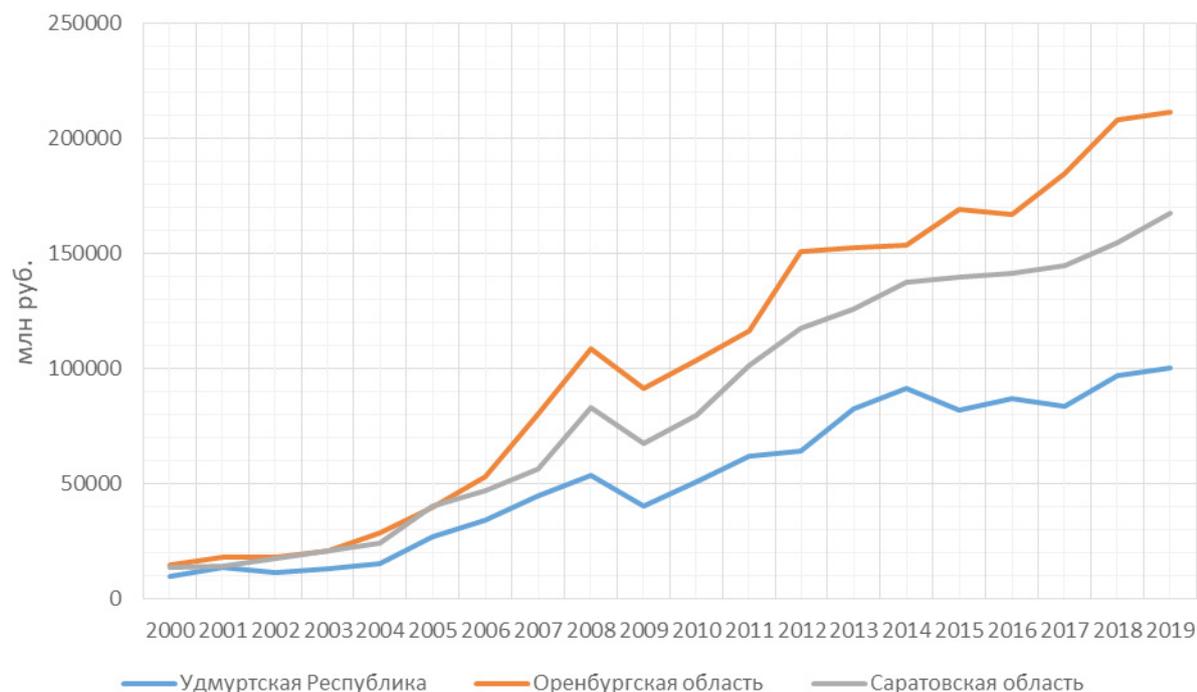

Рис. 8. Инвестиции в основной капитал субъектов ПФО по группе «Периферия ближняя» в 2000—2019 гг.
Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

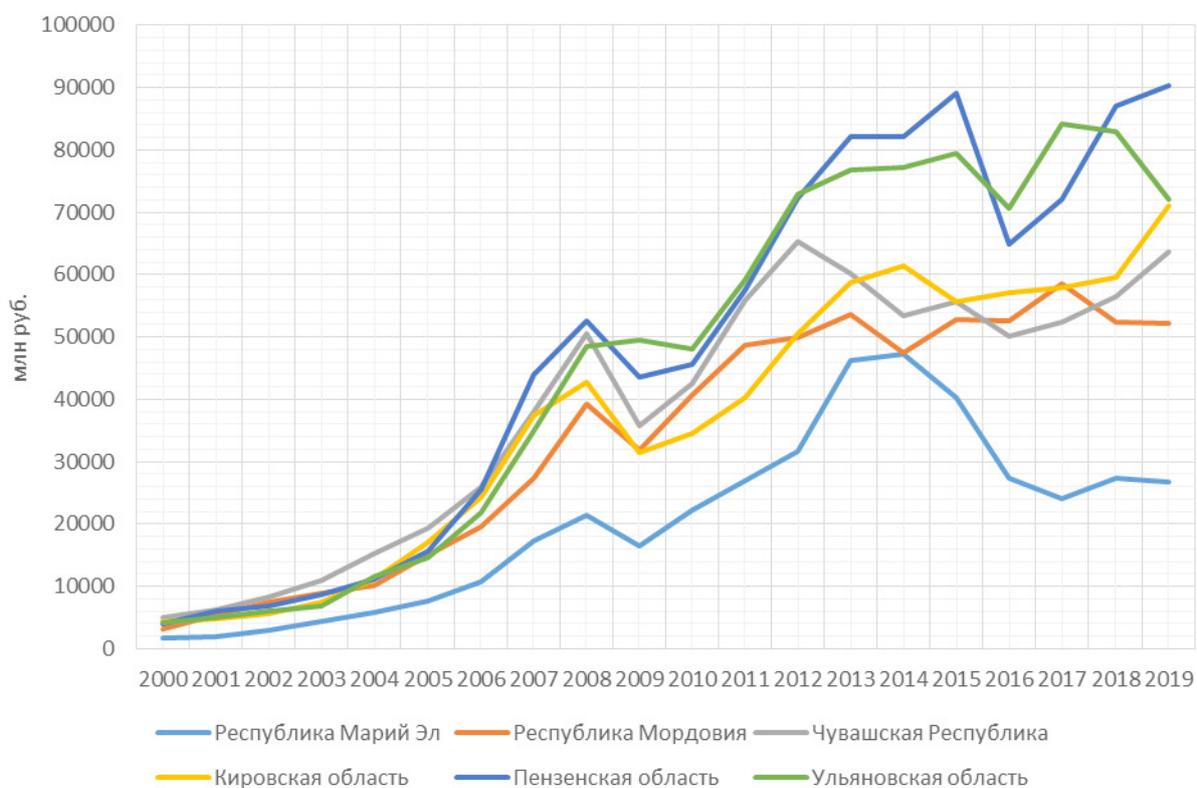

Рис. 9. Инвестиции в основной капитал субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 2000—2019 гг.
Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

свидетельствуют об обострении противоречий в технологическом базисе вследствие снижения темпов обновления средств производства, их морального и физического износа, что уменьшает эффективность технического и технологического потенциала субъектов Приволжского федерального округа по данной группе.

Тренды прироста инвестиций в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа по группе «Центр» с 2000 по 2019 г. представлены на рис. 10. Падение прироста инвестиций в основной капитал по субъектам было характерно в 2008 г., соответственно: Республика Башкортостан $-27,3\%$, Республика Татарстан $-1,6\%$, Пермский край $-13,2\%$, Нижегородская область $-4,8\%$, Самарская область -25% ; сокращение прироста в пределах минус 25—27,3% было характерно для двух субъектов — Республики Башкортостан и Самарской области. В 2010 г. падение на 4,8% сохранялось в Нижегородской области. Падение повторилось и в 2014 г. и составило в итоге $-1,4\%$, в 2015 — $15,1\%$, в 2016 — 13% . В 2014 г. падение прироста происходило в Пермском крае и составило $5,4\%$. Отрицательные значения прироста

были и в 2018 г., а именно в Республике Татарстан ($-1,2\%$) и в Пермском крае ($-1,2\%$).

При значительном приросте инвестиций в основной капитал в субъектах группы «Центр» минимальный прирост на $1,8\%$ был в Республике Татарстан.

Тренды роста инвестиций в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа по группе «Периферия ближняя» и «Периферия дальняя» представлены на рис. 11 и 12.

Тренды прироста инвестиций в основной капитал показывают четкое их следование за циклической кривой развития экономики регионов с 2000 по 2019 г. Периоды кризисов, оживления и подъема совпадали и с трендами прироста инвестиций в основной капитал по всем группам субъектов Приволжского федерального округа. Провалы наблюдаются в период финансового и технологического кризиса 2008 и 2014 гг., по ряду регионов снижение прироста инвестиций происходит в 2018—2019 гг. Так, в Республике Марий Эл прирост сокращается на 24% , в Ульяновской области — на $13,2\%$. Низкий прирост инвестиций характерен и для Оренбургской области ($1,7\%$), Удмуртской Республики ($3,6\%$).

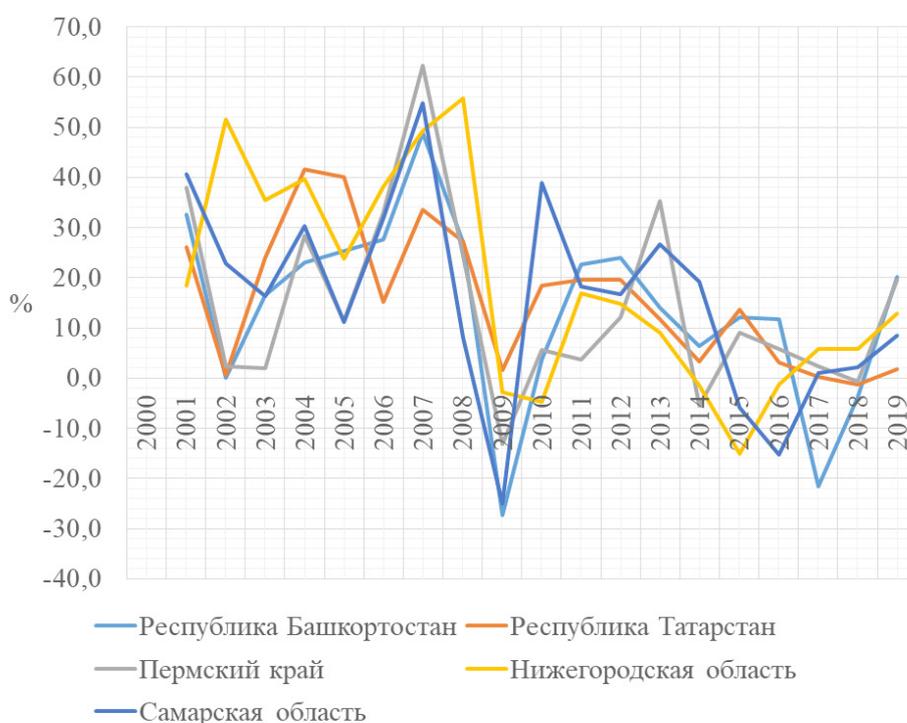

Рис. 10. Прирост инвестиций в основной капитал субъектов ПФО по группе «Центр» в 2000–2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

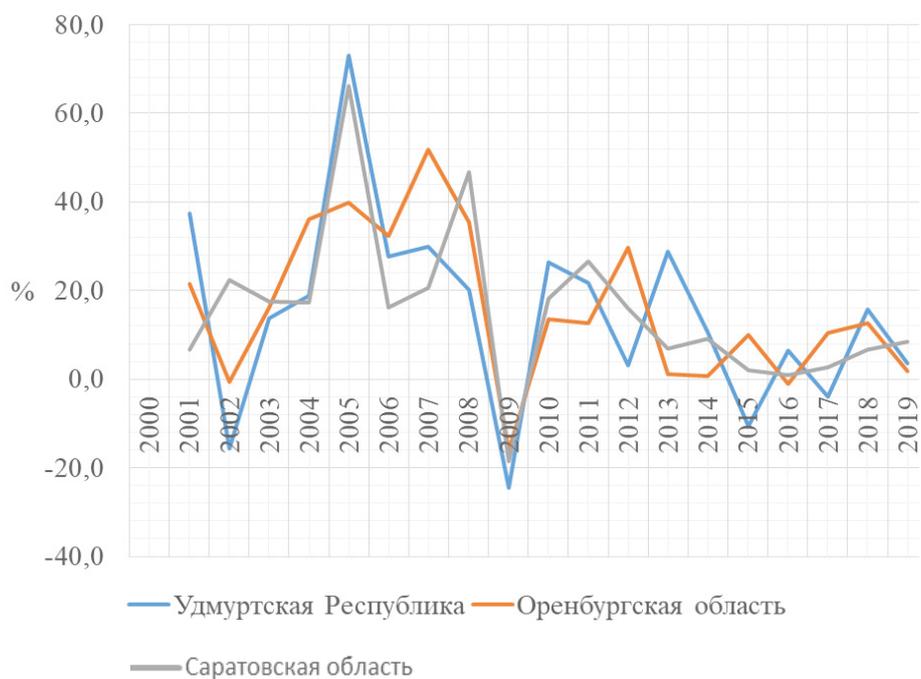

Рис. 11. Прирост инвестиций в основной капитал субъектов ПФО по группе «Периферия ближняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Рис. 12. Прирост инвестиций в основной капитал субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Снижение инвестиций в основной капитал не способствует обновлению средств производства в регионе, а самое главное, наоборот, замедляет переход от одного технологического уклада к другому, более высокому. Это свидетельствует о росте противоречий в технологической сфере, невозможности на основе низкой ресурсной базы создавать условия их разрешения. Как итог — рост сменяется стагнацией экономик периферий. Отсутствие и небольшое перемещение капиталов от центров к перифериям носит локальный характер вследствие определенной обособленности экономик регионов. Государственные капиталовложения в сложившихся условиях направляются, как правило, в центры, а периферии испытывают острую нехватку капитала, так как их экономический потенциал неспособен в достаточном объеме аккумулировать капитал для развития и роста.

В связи с этим возникают пространственные зоны, развивающиеся на базе ограниченных ресурсов, их проблемы не разрешаются, а идет их

усугубление. Минимальные ресурсы региона и минимальное вложение капитала привели к минимальному приросту уровня жизни на этих территориях. Периферийные территории без привлечения капитала центров обеспечить переход к росту, новому технологическому укладу в полной мере не могут.

Развитие, рост производственного, природно-климатического, экономического, технологического и человеческого потенциала находят отражение в росте богатства населения и его бедности. Доказано, что самое острое противоречие возникает, развивается в отношениях между богатыми и бедными. Поддержание социального мира — основное назначение субъектов в пространственном поле России. Степень бедности отражается в тренде движения величины прожиточного минимума с 2000 по 2019 г. по группам «Центр», «Периферия ближняя» и «Периферия дальняя» (рис. 13—15).

Анализ трендов движения величины прожиточного минимума по субъектам ПФО по всем

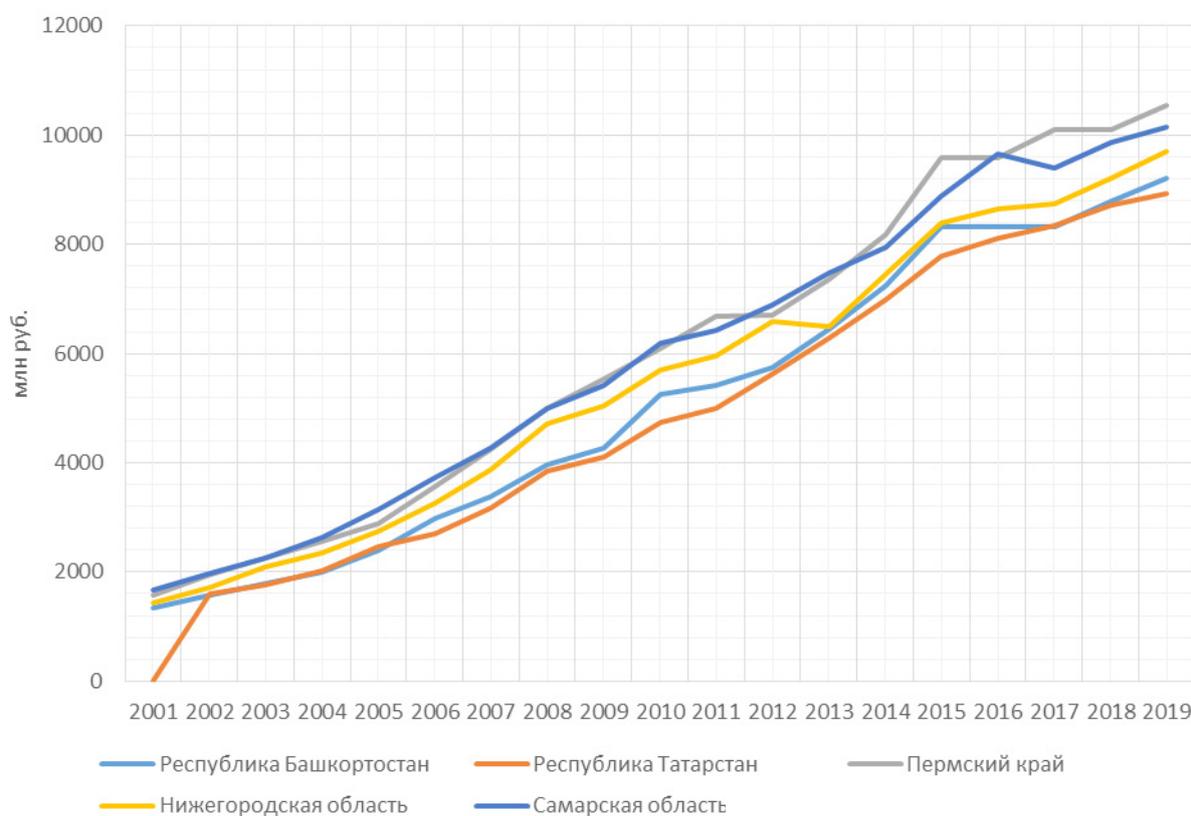

Рис. 13. Величина прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Центр» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

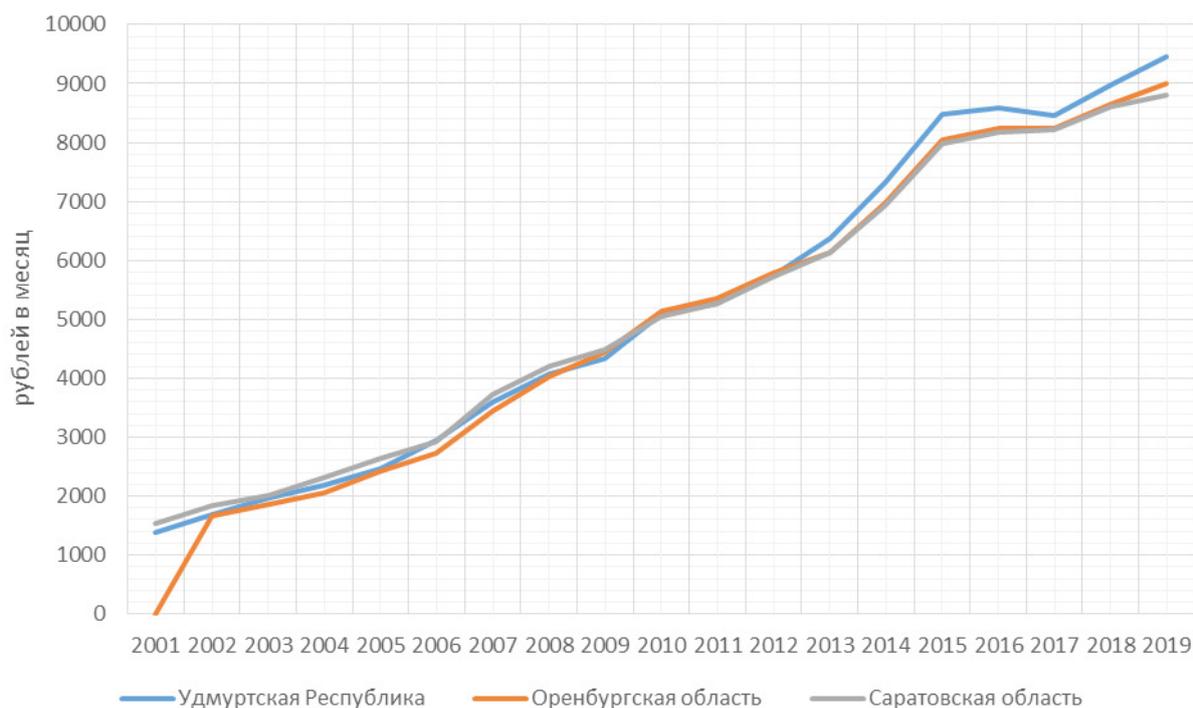

Рис. 14. Величина прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Периферия ближняя» в 2000—2019 гг.
Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

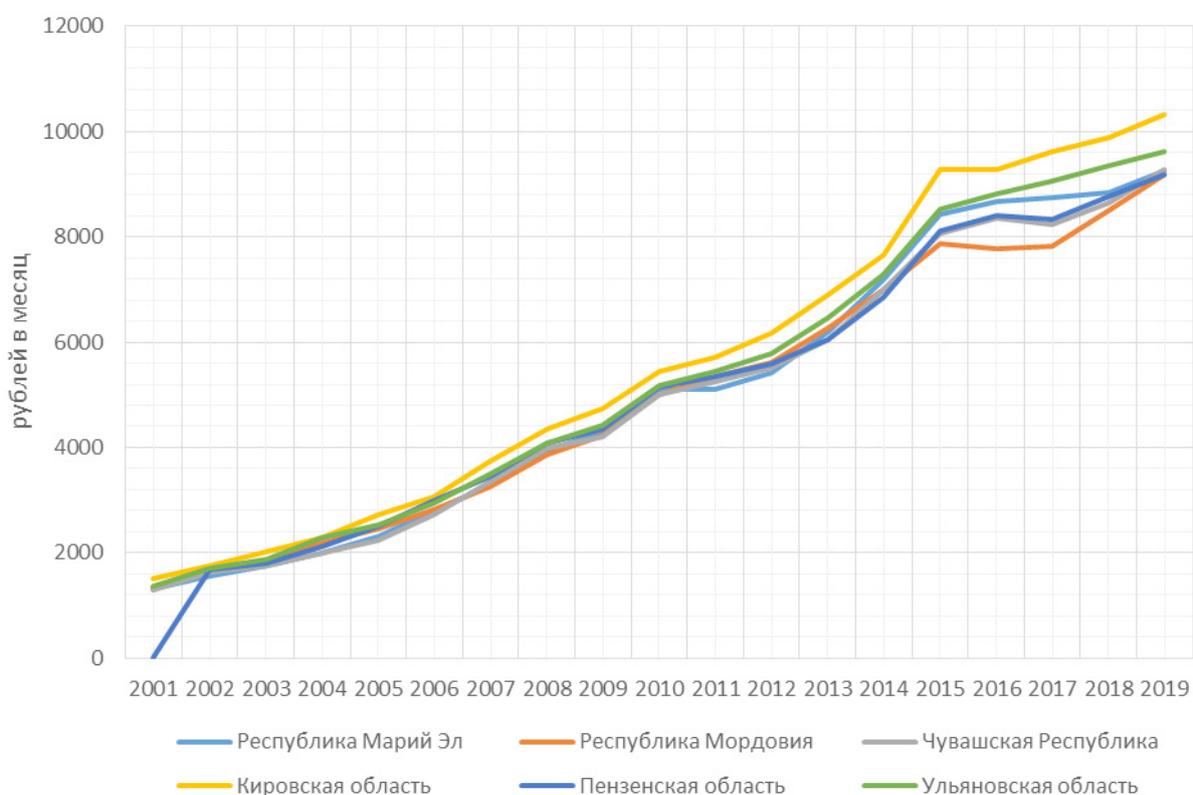

Рис. 15. Величина прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 2000—2019 гг.
Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

группам выявил тенденцию к росту. В центре, перифериях колебания данного показателя — в пределах от 10 556 руб. (Пермский край) до 8892 руб. (Оренбургская область). Эти минимум и максимум приходится на 2019 г. По мере роста потенциала регионов растет и величина прожиточного минимума. Здесь проблема не в самом уровне прожиточного минимума, а в его достаточности. Величина прожиточного минимума не обеспечивает нормального воспроизводства большей массы населения регионов, не позволяет удовлетворять не только первичные потребности, а даже не позволяет удовлетворять потребности более низового порядка, что сильно сказывается на покупательном спросе и покупательном паритете.

Утрата технологической самоидентичности и самостоятельности отдельных регионов привела к утрате рабочих мест, а следовательно, и к обнищанию населения этих территорий. Величина прожиточного минимума должна не гарантировать

процесс простого воспроизводства рабочей силы в пределах ограниченного потребления, а выходить за эти пределы.

В дополнение к величине прожиточного минимума материальное положение индивидов отражает тренд и доля населения с доходами ниже прожиточного минимума субъектов ПФО по группам «Центр», «Периферия ближняя» и «Периферия дальняя» (рис. 16—18). За период с 2000 по 2019 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума сократилась в среднем с 42% (Пермский край) до 13,9%. В 2000 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума для субъектов группы «Центр» сократилась. Нижняя точка в тренде (группы «Центр» принадлежит Республике Татарстан. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума соответственно 33,2% (2001) и 6,9% (2019).

В субъектах «Периферия ближняя» доля населения с доходами ниже прожиточного минимума

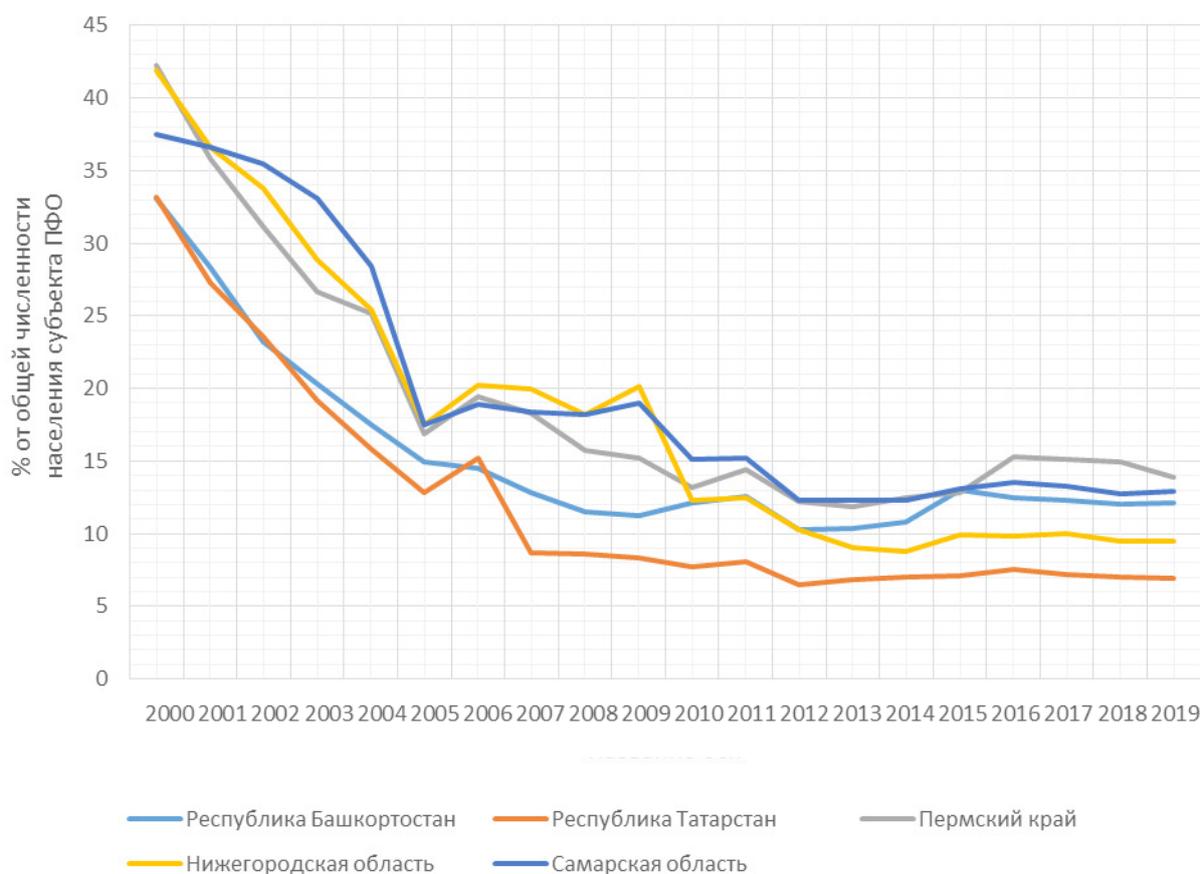

Рис. 16. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Центр» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Рис. 17. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Периферия ближняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

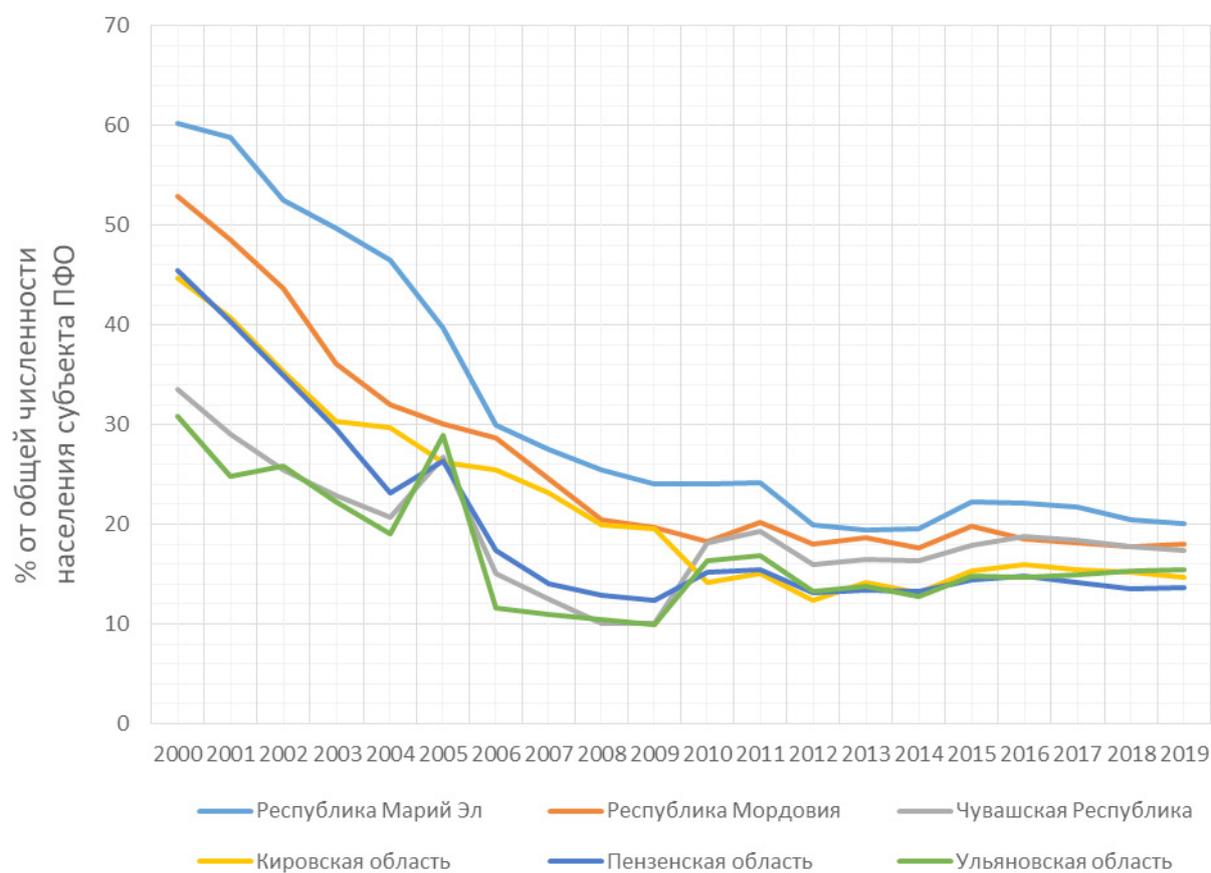

Рис. 18. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

колебалась в 2000 г.: Удмуртская Республика — 35%, Оренбургская область — 68,4%, Саратовская область — 42,2%, соответственно в 2020 г. — 12,4; 14,3; 15,5%. Дальняя периферия в 2000 г. — Республика Марий Эл — 60,2%, Республика Мордовия — 52,9%, Чувашская Республика — 33,6%, Кировская область — 44,7%, Пензенская область — 45,5%, Ульяновская область — 30,9%. В 2020 г. соответственно — 20,3; 18; 17,4; 14,7; 13,6; 15,5%.

Как правило, тренд более высокий по доли населения с доходами ниже прожиточного минимума находится в субъектах «Дальняя периферия», что подтверждает взаимозависимость потенциалов «центров» и «периферий», оказывающих влияние на проживающих на этой территории.

Пространственное развитие регионов настоятельно требует выравнивания социально-экономического состояния регионов, укрепления взаимодействия потенциалов «центров» и «периферий», обеспечения перелива капитала не только в направлении «центр — центр», но и в направлении «центр — периферия». Такого рода

распределения обеспечат закрепление человеческого капитала не только в центрах, но в перифериях.

Таким образом, проведенный анализ показал, что тренды развития регионов центра и регионов периферии существенно различаются. Кроме того, и внутри групп регионов наблюдается расслоение. Переход из одной группы регионов в другую затруднителен, поскольку, несмотря на поддержку населения периферийных регионов со стороны государства, их покупательная способность, а как следствие, и инвестиционная привлекательность таких регионов крайне низки. Анализ таких групп перспективен, он может дополняться как вширь (на все российские регионы), так и вглубь (по большому кругу показателей). Особо важно понять, какие драйверы (внутренние и внешние) способны переломить ситуацию и содействовать выравниванию социально-экономического развития российских регионов на более высоком уровне (то есть приближению периферийных регионов к регионам-центрам).

Список литературы

1. Бархатов В. И. Тренды развития регионов в условиях «новой нормальности» и «новой реальности» // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). С. 43—56.
2. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83.
3. Pletnev D., Barkhatov V. Life quality in the center and periphery of the Urals and the Volga regions // E3S Web of Conferences. Ser. Ural Environmental Science Forum “Sustainable Development of Industrial Region”, UESF, 2021. 2021. Vol. 258. Ст. № 07044.
4. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Ситковский А. М. Оценки качества жизни и социальных приоритетов развития территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11 (433). С. 38—47.
5. Плетнев Д. А., Басырова Д. М. Влияние университетской науки на развитие регионов России // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 41—59.
6. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Иванов О. П., Кочеров А. В. Устойчивое развитие региона в изменчивой внешней среде // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 48—55.
7. Эрдыниева Н. И., Беломестнов В. Г. Природно-ресурсный потенциал региона как основа его конкурентоспособности (на примере Республики Бурятия) // Вестник ВСГУТУ. 2011. № 4 (35).
8. Лебедева Ю. Н. Теоретические подходы к классификации асимметрии информации как экономического феномена // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. 2011. Т. 3, вып. 1. С. 25—30.
9. Жуланов Е. Е. Управление социально-экономической асимметрией регионов как фактор экономического роста // УБС. 2011. № 32. С. 131—154.
10. Румянцев Н. М., Леонидова Е. Г. Проблемы асимметрии структурных сдвигов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 6. С. 169—183.

11. Вереникин А. О., Волошин Д. И. Теория многоуровневой экономики в контексте современной экономической мысли // Проблемы прогнозирования. 2004. № 1. С. 29—47.
12. Беломестнов В. Г., Ябжанова Т. Г. Потенциал развития экономики региона // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2015. № 2.
13. Лукин Е. В. Структурные сдвиги в региональной экономике (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.2.
14. Лукин Е. В., Ускова Т. В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 6. С. 26—40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2.
15. Ивантер В., Порфирьев Б., Широков А. Структурные аспекты долгосрочной экономической политики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 27—34.

Сведения об авторе

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. ieo-science@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 35—52.*

DEVELOPMENT TRENDS OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS OF REGIONS (CORE-PERIPHERY)

V. I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ieo-science@csu.ru

The concept of “core-periphery”, developed for the world economy, is today a working scheme for the analysis of interregional specialization and differentiation in Russia. The article presents the results of a study of the main trends in the development of socio-economic systems of Russian regions in the context of the concept of “core-periphery”, carried out on the materials of the regions of the Volga Federal District. Three groups of regions are identified: “Core”, “Near periphery” and “Far periphery”. A feature of the analysis is the use of both absolute and incremental indicators. The main focus is on indicators such as gross regional product, investment in fixed assets, the size of the subsistence level and the proportion of the population with incomes below the subsistence level. It has been proved that interregional differentiation increases over time, which leads to the loss of the regions of the periphery of their potential and their inability to self-development.

Keywords: *regional economy, core-periphery, socio-economic system, Volga Federal District.*

References

1. Barkhatov V. I. (2019) *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 9 (431), pp. 43—56 [in Russ.].
2. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Kapkaev Yu. Sh. (2019) *Society and Power*, no. 5 (79), pp. 65—83 [in Russ.].
3. Pletnev D., Barkhatov V. (2021) *E3S Web of Conferences. Ser. Ural Environmental Science Forum” Sustainable Development of Industrial Region”*, vol. 258 [in Russ.].
4. Gordeev S. S., Zyryanov S. G., Sitkovsky A. M. (2019) *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 11 (433), pp. 38—47 [in Russ.].
5. Pletnev D. A., Basyrova D. M. (2021) *Socium and power*, no. 1 (87), pp. 41—59 [in Russ.].
6. Gordeev S. S., Zyryanov S. G., Ivanov O.P., Kocherov A. V. (2015) *Society and Power*, no. 2 (52), pp. 48—55 [in Russ.].
7. Erdynieva N. I., Belomestnov V. G. (2011) *Vestnik VSSTU*, no. 4 (35), pp. 27 [in Russ.].
8. Lebedeva Yu.N. (2011) *Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*, vol. 3, iss. 1, pp. 25—30 [in Russ.].

9. Zhulanov E. E. (2011) *UBS*, no. 32, pp. 131—154 [in Russ.].
10. Rumyantsev N. M., Leonidova E. G. (2020) *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 13, no. 6, pp. 169—183 [in Russ.].
11. Verenikin A. O., Voloshin D. I. (2004) *Problems of Forecasting*, iss. 1, pp. 29—47 [in Russ.].
12. Belomestnov V. G., Yabzhanova T. G. (2015) *Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management*, no. 2 [in Russ.].
13. Lukin E. V. (2018) *Questions of territorial development*, no. 5 (45) [in Russ.].
14. Lukin E. V., Uskova T. V. (2018) *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 11, no. 6, pp. 26—40 [in Russ.].
15. Ivanter V., Porfiriev B., Shirov A. (2018) *Problems of management theory and practice*, no. 3, pp. 27—34 [in Russ.].